

В Академии истории материальной культуры в Ленинграде при секторе археологии было создано отделение христианской и византийской археологии. С 1917 по 1928 г. вышло в свет три тома (XXIII, XXIV и XXV) «Византийского временника». Византиноведческие работы, кроме того, публиковались в таких журналах, как «Анналы», «Христианский Восток» и «Новый Восток», в «Известиях АН СССР» и других периодических изданиях.

Деятельность русских византистов в первые годы Советской власти получала в советской историографии разноречивую оценку, во многом отражавшую борьбу мнений по вопросу об отношении к наследству буржуазных ученых. Можно наметить две точки зрения в оценке политической направленности и научной значимости трудов буржуазных византистов, продолжавших свои исследования в послеоктябрьский период. Представители старой академической науки, преимущественно сами византисты, стремились не только панегирически оценить заслуги русских буржуазных византистов, но и подчеркнуть «потери» и «трудности», которые принесла революция византиноведению³. С другой стороны, все чаще стали раздаваться голоса, критиковавшие политические и методологические позиции старого русского византиноведения и требовавшие создания новой марксистской советской византистики.

В конце 20-х — начале 30-х годов марксистская наука, уже окрепшая и успешно развивающаяся, пыталась произвести «переоценку ценностей» во всех сферах исторического знания, в частности и в византиноведении. Для этого необходимо было не только критически переосмыслить наследие буржуазного византиноведения, но и выяснить, что полезного можно взять из буржуазной византистики для развития новой марксистской науки о Византии. Такую задачу поставили авторы историографических обзоров Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит, в работах которых наряду с резкой, порою даже излишне нигилистической, но по существу политически правильной критикой наследия буржуазной византистики намечались и пути создания марксистского византиноведения⁴. И Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит убедительно показали непосредственную связь византиноведения в дооктябрьский период с политическими задачами русского царизма⁵. Вместе с тем Г. Н. Лозовик подчеркивал необходимость коренной перестройки старого византиноведения. «Разбитое корыто русской византологии, унаследованное революцией, — писал он, — продолжало давать новые и новые трещины... Новое содержание не могло сразу влиться в устаревшие мехи...»⁶ С этим вполне соглашался и Ф. И. Шмит, утверждавший: «Политически византиноведение у нас было полностью скомпро-

³ См. Ф. И. Успенский. Хроника византиноведения, стр. 134, 138 и др.; он же. Из истории византиноведения в России. — «Анналы», № 1. Пг., 1922, стр. 110—127; В. Н. Бенешевич. Скорбная летопись. — «Русский исторический журнал», 1921, кн. 7, стр. 229—261; И. И. Соколов. Русская литература по византиноведению с 1914 по 1927 г. — «Slavia», 1928, год. 7, № 2, стр. 413—426; № 3, стр. 682—700.

⁴ Г. Н. Лозовик. Десять лет русской византологии (1917—1927 гг.). — «Историк-марксист», 1928, № 7, стр. 228—238; Ф. И. Шмит. Политика и византиноведение. — «Сообщения ГАИМК», 1932, № 7-8, стр. 6—23.

⁵ Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 228. Г. Лозовик прямолинейно утверждает, что «концепция Милюкова Дарданельского имела прекрасную идеологическую базу в лице византиноведов всех мастей» (см. Ф. И. Шмит. Указ. соч., стр. 18 и сл.).

⁶ Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 231. «И у идеологов Октябрьской революции, — продолжает он, — во всяком случае не было оснований проявить особенное внимание к этой отрасли знаний. Скорее наоборот: поклонники шапки Мономаха и наследства Палеологов должны были иметь в глазах борцов за Октябрь несколько подозрительный вид, должны были пахнуть историческим мусором Четы-Миней и Домостроя, если еще не хуже» (там же).